

АСТА ЫИМ (Таллин)

К ВОПРОСУ О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛЕКСИКИ В ЭСТОНСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

При сопоставлении родственных или неродственных языков следует учитывать особенности их функционально-стилевой структуры. Решённые вопросы адекватной передачи словарного значения, осложнённой отнесенностью слова к стилистически сниженным или повышенным пластам лексики, является сложной задачей. Как справедливо замечает А. В. Федоров, «в области грамматики у лингвиста, занимающегося сопоставлением, более твердая почва под ногами, чем в области лексики, и более очевидные критерии для обобщения наблюдений. В лексике же каждый элемент, каждое явление имеет более индивидуальный характер, а все они, вместе взятые, с большим трудом поддаются обобщению в сопоставительном плане в силу огромного своего разнообразия и пестроты» (Федоров 1971 : 75).

Стилистическая окраска (стилистическое значение) сопутствует слову при его употреблении, становясь таким образом значимым в слове (Шмелев 1973: 253, 254). Мы будем исходить из положения, согласно которому стилистическое значение является составной частью семантической структуры языковой единицы, оно может «влиять на его понятийное содержание...», так как оно всегда известным образом окрашивает — конечно, не смысл — а восприятие смысла» (Винокур 1972: 22). Стилистическое значение в широком смысле охватывает не только функциональную окраску, но и эмоциональную, которые в сопоставительном изучении языков необходимо разграничивать. В каждом языке существуют единицы функционально окрашенные, но нейтральные в эмоциональном отношении, и единицы эмоционально окрашенные, но нейтральные в функциональном отношении. В некоторых единицах очевидно переплетение эмоциональной и функциональной окрасок.

Под функционально окрашенными единицами мы понимаем такие языковые факты, которые ограничены в своем применении. В соответствии с этим функционально нейтральные понимаются как единицы языка, употребляющиеся во всех сферах речи. Речевую закрепленность элементов не следует понимать как исключительность в других ситуациях (Приотторский 1960, Земская 1968, Лаптева 1967). Мы будем придерживаться мнения, согласно которому в языке выделяется три стилистических уровня — нейтральный, повышенный и сниженный. В зависимости от этого словарный состав языка распределяется также

по трем основным стилистическим пластам — нейтральному, повышенному и сниженному. Повышенный пласт лексики составляют художественно-поэтические, книжные и т. п. слова, к нейтральному относятся научные, технические, административные слова. Сниженный пласт делят в русском языке на три разряда — разговорные, просторечные и бранные слова.

Зачастую очень трудно отнести какое-либо слово к тому или иному стилю. Это объясняется рядом обстоятельств: 1) неопределенностью границ между стилями (Гак 1977: 88), 2) переходом слов из одного стиля в другой, 3) огрублением при установлении набора возможных языковых стилей: «производится как бы квантование некой континуальной кривой» (Берков 1977 : 67) и 4) разным восприятием стилистической валентности слова. Это вызвано тем, что слово «в огромной массе случаев лишено внешних признаков, которые указывали бы на его принадлежность к тому или иному стилю» (Берков 1977: 67, 68). Несмотря на эти моменты, составитель словаря должен определить для каждого слова возможность (или невозможность) употребления в конкретном стиле. В русском языке обычно рассматривается соотношение между нейтральной и разговорной, нейтральной и возвышенной лексикой. В эстонском языке — соотношение между разговорной и литературной. Это объясняется, по-видимому, тем обстоятельством, что словарный состав эстонского литературного языка по своей стилистической окрашенности в огромном большинстве нейтральный. Количество возвышенных слов незначительно.

В эстонском языке при выделении тех же трех основных стилей можно отметить следующие моменты. Во-первых, лексическая наполненность возвышенного стиля не тесная. Во-вторых, в сниженном стиле выделяется лишь два разряда слов — разговорные и вульгарные.

Слова, относящиеся к сниженному пласту лексики, в эстонском языке можно разделить на следующие подгруппы.¹

1. Фонетически сниженные варианты слова.

а) Сниженные слова, звуковой состав которых сводим к звуковому составу соответствующих им по значению слов литературного языка согласно определенным правилам. Например, произношение *f* вместо *hv* (*koff* / *kohv* 'кофе'), произношение вместо сочетания долгий гласный + *j* дифтонга (*soendama* / *soojendama* 'греть'), изменение места ударения (*máailm* / *maailm* 'мир, вселенная'). В основном фонетически сниженные варианты слова сводятся к упрощенному произношению (упрощенное произношение иноязычных звуков, например *š* и *f*, по-видимому, отражает соотношение между иноязычным и своим словом),

б) Разговорные слова, различия в звуковом составе которых не сводимы к правилам звукоперехода в произношении от разговорного варианта к литературному. Примеры: *lambipalavik* / *rambipalavik* 'нервничание перед выступлением на сцене', *saadan* / *saatan* 'черт', *otsegu* / *otsekui* 'как бы'.

Подгруппа а) представляет собой чисто фонетические разговорные варианты слова, подгруппа б) — лексико-фонетические разговорные слова.

2. Грамматически сниженные варианты отличаются от своих литературных параллелей различными грамматическими (морфологическими) моментами. Например, *igasugu* / *igasugused* 'всякие', *lünd* / *lündud* 'ушел', *leibasi* / *leibasid* 'хлебов'.

3. Лексико-семантические (смысловые) варианты слова. Это случаи,

¹ Классификация разговорной и просторечной лексики русского языка в общих чертах приводится в статье Л. Г. Барласа 1968: 57—67. Наша классификация несколько отличается от этой.

когда под одной материальной оболочкой с нейтральным значением этого же слова выступает и стилистически сниженное значение. Примеры: *jobi* '1) единица вычисления ЭВМ; 2) разг. работенка', *leht* '1) лист (-ы, -ья); 2) разг. газета'.

4. Лексически сниженные слова. Стилистически сниженные слова в их соотношении с нейтральным синонимом подразделяются на два типа: разнокоренные и однокоренные. Среди последних выделяются слова, отличающиеся от нейтральной параллели а) усеченным корнем: *inter* / *internaat* 'интернат'², *sess* / *sessioon* 'сессия', *spets* / *spetsialist* 'специалист', *super* / *superfosfaat* 'суперфосфат', б) усеченным и потерпевшим некоторое изменение корнем (варьирование корня): *stipp* / *stipendium* 'стипендия', *pinss* / *pension* 'пенсия', *torp* / *mobilisatsioon* 'мобилизация', *trenn* / *treening* 'тренировка', в) суффиксом: *narvaka* / *narvalane* 'житель г. Нарвы', *pärnaka* / *pärnulane* 'житель г. Пярну'. Разнокоренные представляют собой группу слов, которые в литературном языке имеют иной корень или вообще отсутствуют. Большинство же из них имеет синонимические параллели в литературном языке. Например: *sääreväristaja* / *mootorjalgratas* 'мотовелосипед', *soolaputka* / *arestikamber* 'арестантская', *truba* / *trõmpet* 'труба', *suurtükimees* / *suurtükiväelane* 'артиллерист', *näripood* / *selvekauplus* 'магазин самообслуживания', *tudeng* / *üliõpilane* 'студент', *vutt* / *jalgpall* 'футбол', *õuhka* / *eeter* 'эфир', *tuhv* / *trepiaste* 'ступенька', *sobi* / *pettus* 'обман', *opakas* / *rumal* 'глупый', *nähe* / *nähtus* 'явление', *sähke* / *võtke* 'берите'. Одну часть этой группы составляют слова, являющиеся параллелями терминов: *obadus* / *metallaas* 'скоба', *häälepaelad* / *häälekurrud* 'голосовые связки', *kõrikaas* / *kõripealisk* 'нёбная занавеска', *südamekramp* / *rinnaangiin* 'стенокардия', *summer* / *sumisti* 'зуммер'. По-видимому, не совсем правильно относить их к сниженной лексике, как это делается в орфологическом словаре эстонского языка. На наш взгляд, они скорее принадлежат к нейтральной лексике общего языка, так как их употребление допустимо в любом тексте за исключением научного. Соотношение здесь, по-видимому, между термином и словом общего языка.

Вот примеры, когда отсутствует однословный синоним в литературном языке: *snitt* / *õnnestunud tehing* 'сделка', *salmitaguja* / *halb luuletaja* 'рифмоплёт', *susla*, *suss* / *kitsarõõpmelise raudtee rong* 'узкоколейка', *sopakas* / *alaväärtuslik kirjandusteos* 'неполноценное произведение литературы', *soodum* / *suur segadus* 'неразбериха', *vuhva* / *kerglane naine* 'фифи'. Нередко разговорное слово может отличаться от своего литературного синонима несколькими моментами — звуковым составом и/или грамматическими элементами и/или модификацией значения.

В ходе развития языка наблюдается переход слов из сниженного пласта лексики в нейтральный. Фонетически и грамматически сниженные варианты слова представляют собой переходные случаи к литературному языку. Сущность языка и состоит в том, что постоянно происходит изменение и развитие. Состояние языка зависит от социальных изменений в обществе, уровня развития науки и техники. Нельзя не заметить тех больших изменений, которые произошли в развитии литературного языка в Эстонии в течение последних 30—40 лет. Это связано с тем, что произошел коренной переворот в доступности среднего и высшего образования. Прямое влияние на носителей языка оказывают печать, радио, телевидение — произошло расширение функций эстонского литературного языка, возрос круг его потребителей. Так как в эстонском языке отсутствуют четкие границы между литератур-

² Х. Рятсеп причисляет слова *sess*, *inter*, *stipp* к студенческому жаргону. Нам представляется возможным относить их к разговорной лексике, ибо сфера употребления этих слов не ограничивается студентами (Rätsep 1976 : 206).

ным и разговорным языком, наблюдается их взаимовлияние и сближение. По причине того, что разговорный язык довольно близок литературному, его границы расширяются, он приобретает общий характер. Происходит своего рода демократизация языка (Rätsep 1979). Близость разговорного и литературного языка отмечают и финские языковеды. К примеру, Х. Паунонен пишет: «Разговорный язык пожилого, а также и большей части среднего поколения довольно близок к литературному и соответствует представлению, которое сложилось у нас, в Финляндии, об употребляемом общенародном языке.» (Rauponen 1977; 734). Примеры: *hutjama* и *utjama* 'бить, колотить' (без начального *h*) оба соответствуют литературной норме, недавно считавшиеся разговорными *rats* (*ratsiooniseerimine* 'рационализация') и *ratsima* (*ratsiooniseerima* 'рационализировать') теперь признаны литературными (ср. *natsima* / *natsiooniseerima* 'национализировать'). Слово *haavaarst* 'хирург' еще в макете эстонского литературного языка 1969 г. снабжено пометой *разг.*, в орфологическом словаре 1976 г. это слово приводится уже без такой пометы. Отметим, что переход разговорного слова в нейтральный стиль — довольно частое явление, видимо, не только в эстонском языке. Способствует такому переходу использование разговорных (и жаргонных) слов в определенных целях в радио- и телепередачах. Например, языку рекламы в Финляндии даже характерно использование жаргонной лексики: *lippalakki* — *lippis* 'кепка', *televisio* — *telkkari* 'телевизор, телевидение', *syntymäpäivä* — *synttäri* 'день рождения' (Ariste 1978: 118).

Стилистически сниженная лексика нередко сопровождается дополнительной оценочной характеристикой. С точки зрения эмоциональной оценки слова разговорного стиля подразделяются на две группы: 1) слова, не имеющие дополнительного эмоционального оттенка, — в подавляющем большинстве фонетически и грамматически сниженные варианты слова (например, *kupik* / *kuupmõõt* 'кубатура, кубометр'), синонимы терминов в общем языке и т. п. (*mehenaine* / *abielunaine* 'замужняя женщина', *mekkima* / *maitsma* 'пробовать на вкус', *silmaseletus* / *nägemine* 'зрение'; *mekkima* и *silmaseletus* начинают устаревать). 2) слова, имеющие дополнительную эмоциональную окраску — лексически наиболее наполненная группа. Среди них можно выделить слова со слабой эмоциональной окраской (*mehka* 'здорово', *vats* 'животище', *uurhv* 'расфранченность') и слова, которые отличаются более резким эмоциональным оттенком (*kõlakas* 'слухи', *kere* 'брюхо', *mõkutama* 'ротозейничать'). Немалую часть этой группы составляют лексико-семантические варианты слова (*käpp* '1) лапа (в прямом значении) и 2) лапа (разг. неодобр. о руке)', *nupp* '1) кнопка, 2) (разг. неодобр. о голове), котелок'). Грубости эти слова не содержат. Слова, имеющие грубый оттенок, причисляются к вулгаризмам (*larhu* 'рыло', *lobust* 'морда', *võmm* вульг. о полиции, о милиции). В эстонском языке нередки случаи, когда сниженным является именно смысловой вариант слова.

Далее рассмотрим стилистически отмеченные слова с точки зрения их образования. Среди сниженных слов ярко вырисовываются группы слов, возникших путем различных способов словообразования. Как известно, одним из законов развития языка является принцип экономии. Литературный язык чаще пользуется неоднословными или более длинными наименованиями, тогда как разговорной речи свойственно сокращать эти наименования. Наиболее важным способом образования разговорных слов в эстонском языке являются разные случаи усечений, менее суффиксация (мы остановимся на суффиксах, играющих только стилистическую роль, ничего не добавляющих к значению слова, кроме

самой стилистической окраски, т. е. на случаях, когда стилистическая отмеченность новообразования зависит от стилистической окрашенности суффикса).

Усечение как средство образования разговорных слов.

1. Образование усеченных существительных от существительных.

а) Усекается часть сложного слова, остается одна из основ: *ratas / jalgratas* 'велосипед', *super / superfosfaat* 'суперфосфат'. Нейтрализовались такие усечения, как *kilo (kilogramm)* 'килограмм', *buss (autobuss)* 'автобус', *troll (trollibuss)* 'троллейбус';

б) Усекается конец простого слова: *sess / sessioon* 'сессия', *spets / spetsialist* 'специалист'. Нейтрализовалось, например, *labor (laboratorium)* 'лаборатория'.

Большинство подобных сокращений составляют иностранные слова.

Следует упомянуть, что тенденция к усечению долгой формы в разговорной речи проявляется не только в образовании существительных: *kuueteistaastane / kuueteistkümneaastane* 'шестнадцатилетний', *natsima / natsionaliseerima* 'национализировать', *ilusti / ilusasti* 'красиво, хорошо'.

в) Усечение существительных (как сложных, так и простых) — суффиксация. Разговорный характер имеют сокращенные существительные с суффиксом *-kas*. Более яркая стилистическая окраска этого суффикса проявляет себя в противопоставлении с суффиксами, имеющими иную стилистическую окраску (*televiisor — teler — telekas* 'телевизор — телик').

Суффикс *-kas* может заменять часть сложного слова, становясь таким образом носителем значения слова. Примеры: *ühikas / ühiselamu* 'общежитие', *erakas / erakorter* 'частная квартира', *pastakas / pasta-pliiats* 'шариковая ручка'.

Таким способом могут усекаются и имена собственные (*Niinemägi / Niinekäs*).

2. Образование существительного путём усечения конца прилагательного + конденсация словосочетания (прилагательное + существительное). Например, *pedagoogiline instituut / peda* 'педагогический институт'. Этот способ образования разговорных слов, видимо, мало продуктивен.

3. Усечение названий газет, журналов, разных учреждений. Примеры: «*Sirp*» / «*Sirp ja Vasar*» '«Серп», газета «Серп и молот», *Saareste / Andrus Saareste* «*Eesti keele mõisteline sõnaraamat*» 'Сааресте / Андрус Сааресте «Понятийный словарь эстонского языка», кроме именительного падежа названия напр. библиотек (*Gogolis / N. Gogoli nim. Raamatukogus* букв. 'в Гоголе, в библиотеке им. Н. Гоголя'). Стилистическую отмеченность подобных сокращений подтверждает то обстоятельство, что они не вытесняют полных вариантов, которые сохраняются в языке в качестве нейтральных обозначений.

Разные типы усечений особенно характерны для жаргонов. Например, длинные и наиболее употребительные слова и словосочетания в ученической среде сокращаются на несколько слогов: *direktor / dire* 'директор', *matemaatika / mata* 'математика', *algebra / alge* 'алгебра', *joonistamine / jonna* 'рисование', *eesti keel / esta* 'эстонский язык', *õpetaja / õpa, õps* 'учитель' (Rätsep 1976 : 206). Интересно отметить, что такое же явление наблюдается в финском языке: *opettaja / ope* 'учитель', (*kaksi-, kone*) *oppilas / opis* 'ученик', *matematiikka / matikka* 'математика' (Karttunen 1979 : 145, 165).

Суффиксация как средство образования разговорных слов.

а) Литературный суффикс заменяется разговорным. Таким способом

образуются параллельные производные: *pärnulanе* / *pärnakas* 'житель города Пярну', *viierublanе* / *viiekas* 'пятерка' (в последнем примере произошло также и усечение). Небезынтересно отметить, что в эстонском языке суффикс *-kas*, присоединяясь к числительным, обозначает только денежный знак. В русском языке образования от числительных с суффиксом *-ка* могут обозначать «любой предмет, нумеруемый этой цифрой...», а также каким-нибудь образом связанный с соответствующей цифрой» (Виноградова 1972 : 193).

б) Суффикс заменяет часть многословного наименования: *EPA üliõpilane* — *epakas* 'студент ЭСА', «*Salvo*» *kelk* — *salvokas* 'санки п/о «Сальво»'. Здесь происходит своего рода конденсация многословного наименования.

Русскому языку в отличие от эстонского более свойственна суффиксация как средство конденсации многословных наименований. Например, разговорные сокращения с суффиксом *-ка* почти неограниченно продуктивны (*мореходное училище* / *мореходка*, *фуражка без козырька* / *безкозырька*, *манная крупа* / *манка*, *взрывчатое вещество* / *взрывчатка*). Продуктивен также суффикс *-ик*. Например, слова семантических групп «специалист по...» (*аграрник*, *диаматик*), «больной чем-либо» (*астеник*, *астматик*, *легочник*, *сердечник*) (Виноградова 1972 : 190—192, 197). Отметим, что в эстонском языке образования с суффиксом *-ik*, входящие в семантическую группу «больной чем-либо», представляют собой термины. Русскому языку свойственна также суффиксация, имеющая только стилистическое значение (суффиксы *-ш-*, *-ка*, *-ик*: *гармонь* / *гармошка*, *дочь* / *дочка*, *нож* / *ножик*). В эстонском языке такое явление места не имеет. За неимением особой лексической единицы в эстонском языке наблюдается стилистическая транспозиция — перенос слов в несвойственное им стилистическое окружение.

Расширение круга производящих основ как способ образования разговорных слов характерно для русского языка. Ярким примером этому может служить образование имен лиц женского пола с суффиксом *-ша* в значении женщины по ее собственной профессии (ранее чаще по профессии мужа); например, *докторша*, *лифтерша*, *касси́рша*, а также образования с суффиксом *-ка* в соответствии с мужскими именами с суффиксами *-ак*, *-ик*, *-ец*; например, *землячка*, *фронтовичка*, *орденоноска* (Виноградова 1972 : 211, 212). В эстонском языке лица женского пола чаще всего не имеют словообразовательно выраженного обозначения, образования с суффиксами *-nna* и *-tar*, обозначающие лица женского пола, стилистически нейтральны. Если текст требует конкретизации пола, образуется сложное слово типа *nais* + название рода занятий, профессии и т. п. (*naissportlane* 'спортсменка', *naistraktorist* 'трактористка'). Стилистическая окраска таких слов зависит от окраски мотивирующей основы. На стилистическую отмеченность слова в русском языке чаще оказывает влияние окраска словообразовательного форманта, в эстонском языке — стилистическая окраска производящего слова. Это объясняется тем, что в эстонском языке суффиксов, придающих слову сниженный оттенок (без эмоционального оттенка) по сравнению с русским языком гораздо меньше. Примеры: образования с суффиксами *-(к)ать*, *-к(ну)*, *-ничать* (*бахать*, *ахать*, *садовничать*). Русская разговорная речь, как отмечает В. Н. Виноградова, вовлекает в словообразовательный процесс те части речи и формы, которые в книжной речи не используются: местоимения, наречия, частицы, вводные слова, повелительное наклонение, аббревиатуры (*чевокать*, *ихние*, *ничейный*) (Виноградова 1972 : 215—216).

Префиксация как способ образования стилистически отмеченных слов свойственна русскому языку и отсутствует в эстонском, ибо в

нем имеется лишь два стилистически нейтральных префикса *eba-* и *mitte-*.³

В русском языке префикс может придать слову как возвышенный, так и разговорный/просторечный оттенок. Например, приставки *низ-* (*нис-*), *воз-* (*вос-*) придают слову книжно-возвышенную окраску (*воссиять*, *возлюбить*, *возгордиться*, *низвергнуть*, *низводить*, *ниспровергнуть*), префикс *за-* — разговорную или просторечную (*девать / задевать*, *делаться / заделаться*, *всегда / завсегда*).

Как указывалось выше, в эстонском языке отсутствует переходная ступень от разговорной лексики к вульгарной — просторечие. Русские просторечные слова как бы распределяются в эстонском языке между разговорным и вульгарным пластами. Верхний слой просторечий (т. е. слов, которые приближаются к разговорным) сопоставим с нижней частью разговорной лексики эстонского языка. Нижний слой просторечий (слова, имеющие оттенок грубости) — с вульгаризмами. Примеры: *взбучка* (прост.) — *peapesu*, *päheandmine* (разг.), *врать* (разг.) — *luiskama* (разг.), *рыло* (прост.) — *larhv*, *lõust* (вульг.). В русском языке удельный вес разговорных слов, не имеющих дополнительного оттенка, намного превышает соответствующие эстонские слова (*двойка* — *kaks*, *электричка* — *elektrirong*, *картошка* — *kartul*, *раздевалка* — *riietehoid*). Такого рода разговорным словам в эстонском языке чаще всего соответствуют эквиваленты, относящиеся к нейтральному стилю. Отметим, что границы между разговорными и просторечными, разговорными и нейтральными словами не всегда отчетливы. В общем же словарный состав эстонского языка имеет по сравнению с русским языком сравнительно нечеткие границы в стилистическом отношении. Это, видимо, связано с тем обстоятельством, что в эстонском языке, как в сравнительно молодом литературном языке, недостаточно четко выработались функциональные стили. Стиль речи в эстонском языке не столько зависит от выбора того или иного конкретного слова, сколько от окружения, в которое оно попадает, от построения фразы, порядка слов и т. д. Насколько нам известно, нет работ, посвященных изучению функциональных стилей, стилистической характеристике слова в эстонском языке. Наши замечания являются предварительными и самыми общими.

Вторым существенным моментом в сопоставлении стилей является тот очевидный факт, что лексическая наполненность стилей в эстонском и русском языках довольно сильно расходится. Рассмотрим это на примерах (Примеры почерпнуты из словарей: Александрова 1968; Saareste 1958). См. таблицу.

При первом же взгляде на примеры нельзя не заметить, что нередко одному эстонскому слову соответствует несколько русских, отмеченных различными стилистическими окрасками. Стилистическая парадигма в русском языке более наполнена. В эстонском языке чаще имеются сниженные члены парадигмы, а повышенные отсутствуют. В русском языке наполнение стилистической парадигмы более равно. Разумеется, и в эстонском языке существуют высокие, поэтические слова (*kullane* 'золотистый', *lumm* 'ворожба', *lemb* 'любовь', *lembima* 'любить', *hala* 'плач', *loht* (*lohutus*) 'утешение', *kõik* (*-gu*) 'качание', *rohe* (*rohelus*) 'зелень', *põrm* 'прах'), но их удельный вес в словарном составе незначителен. В русском языке многие слова, «обозначающие обыденные понятия, имеют поэтические синонимы» (Гак 1977 : 89). Русской возвышенной речи свойственны более высокая тональность, насыщение поэтическими, высокотожественными словами. Для эстонской речи это нехарактерно. При переводе с русского языка на эстон-

³ *mitte-* не всеми исследователями признается префиксом. См. напр. Vare 1979 : 33.

Русский язык			Эстонский язык		
нейтральный стиль	повышенный стиль	сниженный стиль	нейтральный стиль	повышенный стиль	сниженный стиль
глаз	око	глазищи глазенаны гляделки зенки	<i>silm</i>	—	<i>silmaluigid</i>
рот	уста	хайло пасть	<i>suu</i>	—	<i>puдруmulk</i>
рука	длань десница	ручища лапа	<i>käsi</i>	—	<i>käbarad kämmal käpp</i>
постель	ложе	—	<i>säng ase</i>	—	—
флаг	знамя стяг	—	<i>lipp plagu (merem.)</i>	—	—
скрывать	таить	—	<i>varjata</i>	—	—
могущество	мощь	—	<i>õdimsus</i>	—	—
посмотреть	—	глянуть	<i>(korraks) vaatama</i>	—	<i>kiikama</i>
влюбиться	—	врезаться втрескаться вбрюхаться	<i>armuma</i>	<i>lembuma</i>	—
нарядный	—	разодетый расфранченный разряженный	<i>pidulik (riietuse kohta)</i>	—	—

ский происходит снятие высокаторжественных слов, своего рода выравнивание стиля.⁴ Стилистическая конкретность русского слова — это особенность русского языка. При переводе с эстонского языка на русский наблюдается обратное: повышение стиля. Каждый язык имеет свой особый общий «характер», что не должно упускаться из виду переводчиками. «Характер» эстонского языка заключается в более нейтральном выражении. Расстояния между стилями менее ощутимы, чем в русском языке. Насыщение эстонского текста высокими словами может придать ему иронический или комический оттенок. Следует отметить, что тональность русской обыденной речи также несколько выше, чем эстонской. Например, перевод словосочетания *с огромным вниманием tohutu tähelepanuga* звучит несколько комично (Samma 1976 : 123), «благодаря» дословному переводу, в котором сохранилась приподнятость стиля, оказавшаяся чуждой и лишней в эстонской обыденной речи. Перевод *suure tähelepanuga* ('с большим вниманием') соответствует этому словосочетанию. Основные, наиболее существенные различия в системе возвышенной лексики в русском и эстонском языках касаются наличия высоких слов и их употребительности. В целом эти различия сводятся к следующему:

Русский язык

Эстонский язык

Тесная лексическая наполненность
высокого стиля

нехарактерна

⁴ Такое же явление наблюдается, например, в переводе с русского языка на французский. См. об этом Гак 1977 : 95—109.

Возможность насыщения текста высокими словами	отсутствует
Общая возвышенность, торжественность текста, создаваемая высокими словами	нехарактерна
Привычность высоких слов в возвышенной речи	нехарактерна

Как мы видим, расхождения весьма значительны. Здесь проявляет себя «характер», своеобразие русского и эстонского языков. Эстонскому языку свойственно использовать там общеупотребительные слова, где русский язык пользуется торжественным, поэтическим. Слова высокого стиля в эстонском языке гораздо меньше выделяются из общей лексики, чем в русском. Из вышесказанного не следует делать вывода, что эстонский язык невыразителен, сух. Каждый язык располагает своими стилистическими нормами, своими средствами «создания» стиля. Если в русском языке имеются особые стилистически конкретные слова, которые повышают стилистическую окраску высказывания, то в эстонском языке это достигается другим путем. Мы уже отмечали окружение, в которое попадает слово, стилистическую транспозицию, построение фразы и порядок слов. Кроме того, в стилистических целях используются т. н. свободные сложные слова, создаваемые для данного контекста и не претендующие на долгое пользование (*liivarüpp*: *liiv* 'песок', *rüpp* 'лоно'), образные словосочетания разных стилей (*глазица* — *silmad nagu tõllarattad* букв. 'глаза как колеса кареты', *десница* — *leivapalukese käsi* букв. 'рука, принимающая хлеб'; *глянуть* — *silma peale lööma*, *silmadega üle käima*, *принарядиться* — *lippi panema*, *end välja lööma*). Если в русском языке стиль подсказывает набор стилистических слов, то в эстонском языке — словосочетание и другие вышеупомянутые средства, т. е. стиль проявляет себя в первую очередь в контексте. Стилистическая окраска однокоренных слов русского и эстонского языков может различаться по интенсивности. Ср. *поэт* и *певец*, *poet*, *laulik* и *luuletaja*. В русском языке *поэт* оказывается по отношению к *певец* в слабой позиции, в эстонском языке *poet* и *laulik* ('певец') находится в сильной позиции по отношению к *luuletaja*. Стилистически адекватный перевод слова *поэт* — *luuletaja*. Это не значит, что переводчик не может *поэт* перевести словом *poet*, если общая стилистическая тональность высказывания этого требует.

Стилистическая окрашенность связана с эмоциональной оценкой слова, но не идентична ей. На это указывали многие лингвисты, занимающиеся проблемами лексикологии и лексикографии (Берков 1977 : 75; Шмелев 1973 : 252; Шмелева 1976 : 170; Барлас 1968 : 149). В упомянутых работах различие между стилистической окрашенностью и эмоциональным оттенком сводится к следующему. Стилистическая окраска указывает лишь на стилистические (функциональные) отношения в языке (и поэтому не входит в лексическое значение слова). Обычно такие слова имеют в языке синонимы, которые основываются на их смысловой тождественности и различной стилистической окраске. Эмоциональная окраска слова придает ему дополнительный оттенок и тем самым наслаивается на лексическое значение. Эмоциональная окраска направлена на называемый словом объект, стилистическая окраска — на слово. Стилистическая и эмоциональная окраски находятся в известных отношениях, что отражается и на значении слова. Одни эмоциональные окраски свойственны одному стилю, лексика другого стиля включает в себя другие эмоциональные оттенки. Например, слова с суффиксами субъективной оценки, придающие слову различ-

ную отрицательную (реже положительную) эмоциональную окраску, принадлежат в подавляющем большинстве к сниженной лексике. Отметим, что иногда в слове настолько тесно переплетаются стилистическая и эмоциональная окраски, что трудно выяснить их границы.

ЛИТЕРАТУРА

- Александрова З. Е. 1968, Словарь синонимов русского языка, Москва.
 Барлас Л. Г. 1968, Об отношении стилистической окраски и эмоциональных оттенков слова к его лексическому значению. — Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка, Издательство Ростовского университета, 57—67.
 Берков В. П. 1977, Слово в двуязычном словаре, Таллин.
 Виноградова В. Н. 1972, Стилистические средства словообразования. — Стилистические исследования, Москва, 175—244.
 Винокур Т. Г. 1972, О содержании стилистических понятий. — Стилистические исследования, Москва, 7—106.
 Гак В. Г. 1977, Сопоставительная лексикология, Москва.
 Земская Е. А. 1968, Русская разговорная речь, Москва.
 Лаптева О. А. 1967, Изучение русской разговорной речи в отечественном языкознании последних лет. — ВЯ, № 1, 129—139.
 Приотгорский Р. Г. 1960, Очерки по стилистике французского языка, Москва.
 Федоров А. В. 1971, Очерки общей и сопоставительной стилистики, Москва.
 Шмелев Д. Н. 1973, Проблемы семантического анализа лексики, Москва.
 Шмелева И. Н. 1976, Стилистическая характеристика слов с суффиксами субъективной оценки. — Современная русская лексикография, Ленинград, 170—177.
 Ariste P. 1978, Soome keele kõhest eripalgest. — КК, 117—119.
 Karttunen, K. 1979, Nykyslangin sanakirja, Porvoo.
 Раунонен, Н. 1977, Uurimisobjektiks Helsingi kõnekeel. — КК, 729—735.
 Rätsep, H. 1976, Sotsiaalne murre, argoo, žargoon. — Kalender 1977, Tallinn, 204—209.
 — 1979, Vabameelne, ent mitte kõrekeelne. — Edasi, 21. nov.
 Saareste, A. 1958, Eesti keele mõisteline sõnaraamat, Stockholm.
 Samma, O. 1976, Tarbetõlkest ja taidetõlkest. — КК, 123—124.
 Vare, S. 1979, Läheteohti eesti derivatsiooni käsitluseks, Tallinn.

ASTA OIM (Tallinn)

ZUR FRAGE DER STILISTISCHEN DIFFERENZIERUNG DER LEXIK IM ESTNISCHEN UND RUSSISCHEN

Im Artikel wird die Lexik der estnischen und russischen Umgangssprache sowie Hochsprache vergleichend betrachtet. Die Arbeit enthält eine Klassifikation der niederen estnischen Lexik (phonetisch niedere Varianten des Wortes *koff/koho* 'Kaffee', grammatisch niedere Varianten des Wortes *igasugu/igasugused* 'allerlei', lexikalisch-semantische Varianten von *leht* 1. 'Blatt', 2. umgangsspr. 'Zeitung', lexikalisch niedere Wörter *super/superfosfaat* 'Superphosphat'), und es wird der Bildung dieser Gruppe von Wörtern Aufmerksamkeit geschenkt (hauptsächlich der Verkürzung *spets/spetsialist* 'Spezialist' und Suffigierung *narvaka/narvalane* 'Einwohner von Narva').

Im Gegensatz zum Russischen heben sich im Estnischen Wörter höheren Stils bei weitem weniger aus der allgemeinen Lexik hervor. Grundlegende, wesentliche Unterschiede im Wortschatz der estnischen und russischen Hochsprache betreffen das Vorhandensein eben solcher Wörter und deren Gebrauchlichkeit.

Die funktionalen Stile der estnischen Sprache sind nicht einer solchen Entwicklung wie in der russischen unterworfen, deshalb sind die Grenzen zwischen den Stilen weniger spürbar. Schwächer ist der feierlich-poetische Stil entwickelt, dessen Bildung im Russischen die Altslawismen begünstigen.